

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41-1, Is. 3-1, pp. 989-994, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93(47)

“The Human Comedy” of Boris Mironov

Semen A. Ekshtut ^{a, *}

^a The Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to an analysis of the book by well-known St. Petersburg historian Boris Mironov, “The Russian Empire: From Tradition to Modernity.” The author comes to the conclusion that this ambitious research study, by its final result and contribution to the humanities, is comparable to the work of a large team of researchers, who have worked together for many years according to a single plan. Three large-format volumes contain about three thousand pages, 383 statistical tables and 539 illustrations – graphs, documentary photographs, reproductions of well-known and little-known paintings, prints, and drawings. All these riches are treated in the text and organically included in the system of author’s reasoning. This monograph replaces a number of reference books or a small library of carefully selected books on the history of Imperial Russia. To create it, the author studied, interpreted, and creatively processed an array of archival documents and books, overwhelming for a single researcher, over the course of several decades. You can’t say about this work that undigested knowledge stands in the way of wisdom – it is all reasonable, orderly, and logical. The real “human comedy” of the period of the Russian empire is before us. Henceforth a serious study of its history would be impossible without reference to this book.

Keywords: historiography; modernization; Russian culture; Russian Empire; standard of living; social mobility; elite; serfdom; enslavement and emancipation; Thomas theorem.

Капитальный научный труд известного петербургского историка и постоянного автора журнала «Родина» Бориса Николаевича Миронова «Российская империя: от традиции к модерну» поражает своими колоссальными размерами. Судите сами: под прочными переплетами трех томов большого формата заключено без малого около 3000 страниц (896 + 912 + 992 = 2800). Большинство книжных разворотов снабжено статистическими таблицами, графиками, документальными фотографиями или репродукциями известных и малоизвестных картин, гравюр, рисунков – и все это богатство обыгрывается в тексте и органически входит в систему авторских рассуждений.

Внимательный читатель узнает множество интересных и выразительных подробностей, например: каков был размер крестьянского оброка – 5 руб. серебром в год; сколько россиянок XVIII–XIX вв. шли под венец беременными – две из пяти; сколько стоила рекрутская квитанция на рынке, т. е. какую сумму надо было заплатить, чтобы откупиться от 25-летней службы в армии, – 600 руб.; какова была разница в длине тела между представителями Дома Романовых и российскими подкидышами – превышала 21 см; во сколько раз возросла преступность в пореформенной России по сравнению с Россией

* Corresponding author

E-mail addresses: semenekshtut54@gmail.com (S.A. Ekshtut)

крепостнической – в пять раз. Трехтомная монография, которую написал известный историк, по своему итоговому результату и вкладу в гуманитарные науки соизмерима с работой большого коллектива исследователей, многие годы совместно работающих по единому плану. Но если сами авторы коллективных монографий зачастую не без иронии называют такие плоды собственного труда «братскими могилами» (книги фактически умирают для читающей публики сразу же после выхода из стен типографии), то грандиозный труд профессора Миронова – это жизнеспособный организм, который будет жить своей жизнью и сумеет сам за себя постоять: он заменяет собой несколько справочников или небольшую библиотечку тщательно подобранных книг. Чтобы его создать, автор в течение нескольких десятилетий изучал, осмысливал и творчески перерабатывал неподъемный для одного исследователя массив книг и архивных документов (неслучайно его работы хорошо известны за рубежом: [Mironov, 1985](#); [Mironov, 1993](#); [Mironov, 1999](#); [Mironov, 2000a](#); [Mironov, 2000b](#); [Mironov, 2012](#)), и про работу Миронова не скажешь: непереваренные знания преграждают дорогу мудрости. Все обоснованно, стройно и логично. Перед нами самая настоящая «Человеческая комедия» времен Российской империи. Отныне серьезное изучение ее истории будет немыслимо без обращения к этой книге, которая, как и предыдущие его исследования ([Миронов, 2013](#)), несомненно вызовет горячую дискуссию. Недаром журнал «Родина» назвал Б.Н. Миронова «самым оспариваемым историком России» ([Революционный..., 2015: 48](#)).

Перелистаем ее страницы. Автор безжалостно расправляется с расхожими представлениями и устойчивыми мифами. Российская империя отнюдь не была «тюрьмой народов», каковой ее часто пытаются представить. «Этнические критерии, хотя и принимались во внимание, но по существу не мешали продвижению по социальной лестнице. Благодаря этому между социальным статусом и национальностью отсутствовала связь, а политическая, военная, культурная и научная элиты России были многонациональными...» ([Миронов, 2014: 129](#)). В 1894–1914 г. среди 215 членов Государственного совета насчитывалось по крайней мере 12,1 % лиц неправославного вероисповедания и, следовательно, нерусских. В составе высшей бюрократии их доля к 1917 г. составила 11,8 %. В 1912 г. в Русской армии было 11 % неправославных офицеров и 20 % – генералов. Местная элита, как правило, активно инкорпорировалась в состав российского дворянства, и у нее не было оснований расшатывать и разрушать империю. Там же, где эта политика не проводилась последовательно (с мусульманской элитой на Кавказе и в Туркестане), у центральной власти возникали реальные проблемы.

Активно работали социальные лифты, обеспечивавшие восходящую межсословную социальную мобильность. Дворянство увеличивалось за счет наиболее энергичных, целеустремленных, предприимчивых и социально активных представителей других сословий – духовенства и крестьянства: «социальные перемещения обеспечивали рост численности дворянства в первой половине XVIII в. примерно на 30 %, во второй половине XVIII в. – на 40, в первой половине XIX в. – на 50 %» ([Миронов, 2014: 449](#)). В начале эпохи Великих реформ 30 % офицерского корпуса имело недворянское происхождение, в том числе 20 % происходило из низших воинских чинов – солдат и унтер-офицеров. На рубеже XIX–XX вв. 66 % благородного сословия Российской империи составляло «новое дворянство», получившее свой привилегированный статус на государственной службе ([Миронов, 2014: 449–450](#)). В пореформенную эпоху «состав дворянства качественно ухудшался, его благосостояние падало и престиж в обществе снижался, и сама дворянская идентичность испытывала кризис» ([Миронов, 2014: 475](#)). В настоящее время историческая наука еще не может однозначно ответить на вопрос, какой процесс преобладал в дворянском сословии – деградация или умение приспособиться к новым условиям. Однако любые попытки отыскать корни Великой русской революции в окостенелости правящей элиты и в принципиальном нежелании привилегированного сословия пополнять свои ряды за счет наиболее талантливых и активных представителей других сословий, были бы явной натяжкой: вплоть до 1917 г. элита Российской империи была подвижна и открыта как на входе, так и на выходе.

Российская империя умела отвечать вызовам времени – и отмена крепостного права в 1861 г. наиболее яркий тому пример. Профессор Миронов смотрит на привычную картину былого под новым ракурсом – и приходит к парадоксальным выводам. Крепостное право не было только безусловным злом и очевидным для всех негативом: оно выполняло важные функции для общества, не исключая и крестьян, и сохраняло свою экономическую

эффективность вплоть до своей отмены. «Ни один институт не может существовать столетиями, если он не выполняет общественно значимой и позитивной функции» (Миронов, 2015а: 15).

Был ли институт крепостничества жесток? Да, безусловно. Интенсивность и производительность труда в барщинных имениях была значительно выше, чем в оброчных. Это достигалось за счет методов внеэкономического принуждения. Крестьян, трудившихся на барщине, пороли в 25 раз чаще, чем крестьян в оброчном имении. Но не следует преувеличивать жестокосердие крепостничества: «жестокость» – понятие историческое. Обратимся к произведениям русской классической литературы и убедимся в справедливости этого тезиса. Монография профессора Миронова прекрасно корреспондируется с классикой. В рассказе Лескова «Человек на часах» очень точно сказано, что в царствование Николая I наказание рядового Измайловского полка Постникова розгами можно было счесть «отеческой милостью», если сравнивать розги со шпицрутенами: «Двести розог, по тогдашнему сильному времени, очень мало значили в сравнении с теми наказаниями, какие люди переносили по приговорам военного суда...» Солдат Постников был «из дворовых господских людей». У крепостных крестьян отсутствовало понятие личности, в соответствии со своими «патриархальными понятиями» они наказание почитали наукой. Вспомним «Мертвые души» Гоголя: Павел Иванович Чичиков пообещал высечь своего крепостного кучера Селифана за то, что тот напился и во время езды вывалил барина из брички в грязь. «Как милости вашей будет угодно, – отвечал на все согласный Селифан, – коли высечь, то и высечь; я ничуть не прочь от того. Почему ж не посесть, коли за дело, на то воля господская. Оно нужно посесть, потому что мужик балуется, порядок нужно наблюдать. Коли за дело, то и посеки; почему ж не посесть?» Не забудем и поэму Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

Люди холопского звания –
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказания,
Тем им милей господа.

Объем понятия «крепостное право» не оставался неизменным и исторически весьма сильно варьировался от мягкой формы, когда крепостной почитался членом большой господской семьи, выполняющим самую тяжелую работу, до полной всеобъемлющей формы зависимости человека от его господина. Зависимый человек минувшего времени вовсе не тяготился своей зависимостью, ибо видел в ней защиту от еще большего произвола. Любая корпорация защищала своих членов, гарантируя им соблюдение обычаев, традиций, законов. Таковы были исторические реалии: «...в России на рубеже XVII–XVIII вв. свободными людьми были только царь да патриарх, а все остальные были в той или иной степени лично зависимы. Причем большинство было закрепощено на нескольких уровнях: священник – государством и епископом; посадский человек – государством и посадской общиной; помещичий крестьянин – государством, дворянином и сельской общиной; казенный крестьянин – казной и сельской общиной; и лишь дворянин был закрепощен только государством. Крепостное право было всеобщим» (Миронов, 2015а: 27).

В Российской империи медленно происходил стихийный процесс раскрепощения, но из-за недостатка инициативы со стороны помещиков и крестьян потребовалось вмешательство государства: без посредничества верховной власти крепостные и крепостники мирным путем никогда не смогли бы прийти к обоюдному добровольному соглашению. Верховная власть взяла инициативу в свои руки. Накануне проведения реформы Александр II, проигнорировав нежелание дворянства добровольно отказаться от «крещенной собственности», в 1858 г. предпринял два продолжительных путешествия по стране и убедил благородное сословие подчиниться своей воле. Крестьянская реформа 1861 г., отменившая крепостное право, вовсе не была побочным продуктом революционной борьбы, как долгое время вслед за Лениным утверждала советская историография. Под редакцией академика Милицы Васильевны Нечкиной в СССР было выпущено несколько сборников научных трудов «Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.», направленных на обоснование этого ленинского положения: решение научной проблемы подгонялось под заранее сформулированный ответ. Профессор Миронов убедительно опровергает это давнее ленинское утверждение и сознательно очищает авгиевы конюшни историографии от мифов. Реформа была «...хорошо продумана, тщательно подготовлена и должным образом – последовательно, постепенно, по составленному плану – проведена, что

и обеспечило успешное экономическое развитие пореформенной России» (Миронов, 2015а: 106).

«...Верховная власть выбрала оптимальный путь отмены крепостничества» (Миронов, 2015а: 93). Если бы крестьяне были бы освобождены с большим земельным наделом, чем это произошло фактически, то эта контрфактическая ситуация только стимулировала бы лень и беспечность земледельцев, понизив интенсивность и производительность их труда и увеличив число праздничных дней в году. Лишь каждый пятый крестьянин был мужиком-тружеником. Закон запрещал работать в праздничные дни, а сами крестьяне считали, что труд должен быть умеренным. Профессор Миронов ссылается на подсчеты одного исследователя: «В течение своего тысячелетнего существования русский народ потерял одними прогульными днями 137 лет» (Миронов, 2015b: 433). Особенности национальной ментальности были таковы, что богатство, успех, слава расценивались как искушение и грех. Если бы вся помещичья земля безвозмездно перешла к крестьянам, то эта контрфактическая ситуация «черного передела» закончилась бы дворцовым переворотом и гражданской войной.

Если верховная власть в течение веков адекватно и своевременно отвечала на вызовы времени, почему же она не смогла избежать революции и почему триколор сменился красным флагом? Поэт Георгий Иванов вопрошал в эмиграции:

Красный флаг или трехцветный?

Божья воля или рок?

Не ответит безответный

Предрассветный ветерок.

Ответить попытался Борис Николаевич Миронов. Он ссылается на теорему Томаса. Американский социолог Уильям Айзек Томас (1863–1947) утверждал: «Если ситуация мыслится как реальная, то она реальна по своим последствиям» (Миронов, 2014: 257). В течение десятилетий русское образованное общество культивировало утверждение: нравственная защита существующего строя совершенно недопустима, а вот культ революционной святости не подлежит никакому сомнению. Так и только так должен рассуждать всякий так называемый порядочный человек или же человек, желающий прослыть таковым. Что делать? На этот извечный русский вопрос образованное общество ответило без обиняков: всемерно разрушать империю, а не способствовать ее модернизации. Из-за принципиальной убежденности наиболее радикальной части образованного общества в невозможности какого бы то ни было прогресса при абсолютной монархии по определению исключался любой диалог между властью и гражданским обществом. Русская интеллигенция пореформенной поры отличалась имманентной оппозиционностью и постоянной психологической неудовлетворенностью тем, что есть. «Уровень жизни всех социальных слоев повышался, но потребности росли еще быстрее. Все социальные и профессиональные группы постоянно хотели больше того, что реально возможно было иметь при тогдашних экономических и финансовых ресурсах, низкой общей культуре населения и невысокой производительности труда. Это создавало беспрецедентную социальную напряженность в обществе, особенно в образованной ее части» (Миронов, 2015b: 739). И когда Российская империя столкнулась с неблагоприятными форс-мажорными обстоятельствами Первой мировой войны, общество не справилось с процессом перехода от традиции к модерну.

Наступила Русская Смута.

Литература

Миронов, 2013 – Миронов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2013. 336 с.

Миронов, 2014 – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. 896 с.

Миронов, 2015а – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 912 с.

Миронов, 2015b – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 992 с.

Революционный..., 2015 – Революционный сдержите шаг? // Родина. 2015. Июль. С. 48–53.

- [Mironov, 1985](#) – *Mironov, Boris*. The Russian Peasant Commune after the Reform of the 1860s // *Slavic Review*. 1985. Vol. 44, nr 3 (Fall). P. 438–467.
- [Mironov, 1993](#) – *Mironov, Boris*. Bureaucratic or Self-Government: The Early Nineteenth Century Russian City // *Slavic Review*. 1993. Vol. 52, nr 2. Summer. P. 233–255.
- [Mironov, 1999](#) – *Mironov, Boris*. New Approaches to Old Problems: The Well-Being of the Population of Russia from 1821 to 1910 as Measured by Physical Stature // *Slavic Review*. 1999. Vol. 58, nr 1. Spring. P. 1–26.
- [Mironov, 2000a](#) – *Mironov, Boris*. The Social History of Imperial Russia, 1700–1917: 2 vols. Vol. 1. Boulder: Westview Press, 2000. 562 p.
- [Mironov, 2000b](#) – *Mironov, Boris*. The Social History of Imperial Russia, 1700–1917: 2 vols. Vol. 2. Boulder: Westview Press, 2000. 398 p.
- [Mironov, 2012](#) – *Mironov, Boris*. The Standard of Living and Revolutions in Russia, 1700–1917. London; New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2012. 668 p.

References

- [Mironov, 1985](#) – *Mironov, Boris*. The Russian Peasant Commune after the Reform of the 1860s // *Slavic Review*. 1985. Vol. 44, nr 3 (Fall), pp. 438–467.
- [Mironov, 1993](#) – *Mironov, Boris*. Bureaucratic or Self-Government: The Early Nineteenth Century Russian City // *Slavic Review*. 1993. Vol. 52, nr 2. Summer, pp. 233–255.
- [Mironov, 1999](#) – *Mironov, Boris*. New Approaches to Old Problems: The Well-Being of the Population of Russia from 1821 to 1910 as Measured by Physical Stature // *Slavic Review*. 1999. Vol. 58, nr 1. Spring, pp. 1–26.
- [Mironov, 2000a](#) – *Mironov, Boris*. The Social History of Imperial Russia, 1700–1917: 2 vols. Vol. 1. Boulder: Westview Press, 2000. 562 p.
- [Mironov, 2000b](#) – *Mironov, Boris*. The Social History of Imperial Russia, 1700–1917: 2 vols. Vol. 2. Boulder: Westview Press, 2000. 398 p.
- [Mironov, 2012](#) – *Mironov, Boris*. The Standard of Living and Revolutions in Russia, 1700–1917. London; New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2012. 668 p.
- [Mironov, 2013](#) – *Mironov B.N.* Strasti po revolyutsii: Nравy v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii [The passion for the revolution: mores in the Russian historiography in the information age]. Moscow: Ves' mir, 2013. 336 p. [in Russian].
- [Mironov, 2014](#) – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 1. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2014. 896 p. [in Russian].
- [Mironov, 2015a](#) – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 2. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 912 p. [in Russian].
- [Mironov, 2015b](#) – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 3. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 996 p. [in Russian].
- [Revolutsionnyi..., 2015](#) – Revolyutsionnyi sderzhite shag? [Keep a revolutionary step?] // *Rodina* [Motherland]. 2015. July, pp. 48–53.

УДК 93(47)

«Человеческая комедия» Бориса Миронова

Семен Аркадьевич Экштут^{a, *}

^a Институт всеобщей истории Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу книги известного петербургского историка Б.Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну». Автор приходит к выводу, что грандиозное научное исследование по своему итоговому результату и вкладу в

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: semenekshtut54@gmail.com (С.А. Экштут)

гуманитарные науки соизмеримо с трудом большого коллектива исследователей, многие годы совместно работающих по единому плану. В трех томах большого формата заключено около 3000 страниц, 383 статистические таблицы и 539 иллюстраций – графиков, документальными фотографий, репродукций известных и малоизвестных картин, гравюр, рисунков. Все это богатство обыгрывается в тексте и органически входит в систему авторских рассуждений. Монография заменяет собой несколько справочников или небольшую библиотечку тщательно подобранных книг по истории имперской России. Чтобы ее создать, автор в течение нескольких десятилетий изучал, осмысливал и творчески перерабатывал неподъемный для одного исследователя массив и архивных документов, и книг. Про этот труд не скажешь: непереваренные знания преграждают дорогу мудрости – все обоснованно, стройно и логично. Перед нами самая настоящая «Человеческая комедия» времен Российской империи. Отныне серьезное изучение ее истории будет немислимо без обращения к этой книге.

Ключевые слова: историография; модернизация; русская культура; Российская империя; уровень жизни; социальная мобильность; элита; крепостное право; закрепощение и раскрепощение; теорема Томаса.